
АВТОР – И.Д.

*Ей было 27 лет, когда
ее имя вошло в десятку первых
предпринимателей России*

ОПЫТ МОЕЙ ЖИЗНИ

КНИГА ВТОРАЯ

Любовь в Нью-Йорке

И.Д.

Опыт моей жизни. Книга 2. Любовь в Нью-Йорке

Серия «Опыт моей жизни», книга 2

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43610069

*Опыт моей жизни. Книга 2. Любовь в Нью-Йорке: ООО «Вектор»; 2017
ISBN 978-5-9909279-0-2, 978-5-9909279-2-6*

Аннотация

В первой книге речь идет о девочке-подростке, которая попала в совершенно другой, глубоко чуждый ей мир – из страны советской социалистической в капиталистическую Америку. Что происходит с внутренним миром человека, выросшего в СССР и впитавшего волей-неволей советскую систему ценностей, вдруг оказавшегося на развалинах всего того, что формировало его сознание? Далее – перестройка, конец XX века... Героиня возвращается в Россию. Невероятное вокруг как реальность... и впервые в русской литературе постперестроечного периода – **огромный успех, которого смогла добиться обыкновенная девочка**, совершенно далекая от бандитских разборок. До определенного момента имя автора будет сохранено в тайне, хотя из последних книг российскому читателю будет уже легко вычислить, о ком именно идет речь.

Содержание

Виктория Токарева	6
Глава первая	10
Глава вторая	51
Конец ознакомительного фрагмента.	70

И.Д.

Опыт моей жизни. Книга 2. Любовь в Нью-Йорке

© I and I Publishing

* * *

«Редкое литературное Явление...»

Ольга Хасты,

профессор русской литературы Принстонского университета,

«Читать это по-настоящему интересно... Книга написана искренне, стремительно. Из нее хлещет энергия таланта...»

Виктория Токарева,

писатель, Россия

«Публикация этого произведения будет заметным событием в литературе...»

...Роман представляет живой интерес для читателей, независимо от того, в каком мире они росли и к какой культуре принадлежат».

Лазарь Флейшман,

профессор русской литературы Стэнфордского

университета, США

Виктория Токарева
**Откровенность
свободного человека**

Если дерево пересадить на другую почву, оно может легко прижиться, может прижиться трудно или не прижиться вообще.

То же самое – эмиграция. Человек тоже имеет свою корневую систему, и, когда она нарушается, происходит разлом души.

Именно об этом пишет И. Д. в своем романе «Эмиграция». В книге исследуются все аспекты эмиграции: моральный и материальный. И душевный.

Семья переезжает из Советского Союза в Америку, из города Нальчик в Нью-Йорк. Родители бросают большой прекрасный дом, родственников, друзей – родных и близких, и переезжают в чужой и чуждый мегаполис Нью-Йорка, селятся в квартиру с тараканами, в чужой язык. Без языка человек теряет восемьдесят процентов своей индивидуальности.

В пятнадцатилетней девочке постоянно висит вопрос: зачем? Кому это было надо? Во имя чего?

Инициатор отъезда – отец. Научный работник, который задыхался в тоталитаризме и жаждал свободы.

Пятнадцатилетняя героиня отчаянно тоскует о прошлой

жизни. Именно ей приходится платить за кризис отца. И. Д. погружается в депрессию. Приходится обратиться ко врачу-психоаналитику, и вместе с врачом, который играет роль духовника, шаг за шагом выбираться из пропасти.

Читать это по-настоящему интересно. Детали повествования не выдуманы. Такое нельзя выдумать.

Книга написана искренне, стремительно. Из нее хлещет энергия таланта. Всякое художественное произведение – это мера искренности и таланта. Без таланта ничего не получится. Никто не станет читать. Но и без правды – тоже не будет книги. Ощущение правды как бы входит в талант.

И. Д. ничего не скрывает. Она выворачивает душу, как карман, и вытряхивает наружу все, что в нем есть. Это очень русская манера. Я считаю, что искренность – это основная ценность романа.

Профессор Новиков, наш ведущий литературовед, считает, что литература «про себя» бывает высокой только тогда, когда становится предельно честной и грубой. Полуобнажение тут не пройдет. Только срывание всех и всяческих масок. Как у Толстого. Недаром Лев Толстой – любимый писатель И. Д.

Если уж говорить о себе, то выговаривать все самое тайное, чтобы читатель наедине с книгой мог признаться себе в том, в чем наедине с собой ему признаться трудно.

В автобиографической книге два героя: тот, кто пишет, и тот, кто читает. Читающий должен себя узнавать в авторе,

поскольку все люди, несмотря на различия примерно одинаковы. Когда горе – плачут. Когда радость – смеются. Одинаково рождаются, и, наверное, одинаково умирают.

Я как читатель верила каждому слову, сочувствовала героине и любила ее. Я не могла оторваться от страниц. Книга держала меня, втягивала.

Мне кажется, что талант – качество врожденное. Его невозможно добиться трудолюбием, если он не заложен богом, как дискета в компьютер. Человек может ничего не знать об этой божьей дискете, но его неудержимо будет тянуть к письменному столу. Именно это происходит с И. Д. Она постоянно думает о писательстве. Она хочет оставить след в этой жизни. Она не идет работать программисткой и маникюршей, потому что чувствует другое призвание.

В ней постоянные вопросы: «кто я?», «зачем я?». «Зачем все, если я все равно умру»...

Андрей Тарковский сказал, что самоусовершенствование – это смысл жизни.

И. Д. многого добивается своим умом, талантом, трудом, энергией. Ее жизнь, как стремительный поток, несущийся с горы, и вода в нем прозрачная, чистая и целебная. В нем отражается солнце, сверкают брызги, прыгает форель. В такой воде нет никакой химии, никаких вредных примесей и, читая книгу, невольно заражаешься жаждой действия и желанием счастья.

Книга написана бурно, многословно. В языке чувствуют-

ся украинизмы и подстрочник. Чувствуется, что автор двуязычный, и некоторые обороты написаны как дословный перевод. Америка сделала свое дело. Она впиталась в язык, а значит, в кровь. Но главное в книге – не язык, а уникальный опыт отдельно взятого человека.

Интересны сама жизнь и желание автора донести до нас свой опыт.

Америка научила ее вытащить из себя все резервы. И она их вытащит. И станет хозяйкой жизни. Она победит, добьется, достигнет. Но ничто не придет к ней даром. За все придется заплатить сполна – страданиями, трудом, талантом.

Книга несет в себе нравственный заряд. Невольно вспоминается притча о лягушке, которая попала в горшок с молоком. Но не смирилась, а стала активно дергаться и в результате взбила масло и выскочила из горшка.

Всегда можно выскочить из любого горшка, будь то Америка или несчастная любовь, болезнь или бедность. Путь к победе один. Не сидеть сложа руки, а действовать.

Героиня И. Д. – разная. Мудрая и простодушная. Расчетливая и романтичная. Подозрительная и доверчивая. Но ею всегда движет тоска по идеалу. Она ищет идеал. И даже если не найдет, то поиск сам по себе – это движение. Это самосовершенствование.

Глава первая

Январь – май 1985 г.

Нельзя складывать ручки и идти ко дну, в какие бы жуткие условия ты ни попал. Вспомни про Робинзона Крузо, про графа Монте-Кристо. Люди попадали в экстремальные ситуации, но не сдавались. Мамина мама, моя бабушка (та, что в Союзе живет сейчас), в двадцать лет (!) осталась без мужа с двумя детьми. Это было после войны: женщин было много, мужчин мало. А уж женщине с двумя детьми, да еще на Кавказе, не светило ничего.

Так она и прожила всю жизнь без мужа. Себя детям посвятила. Выдержала. Я бы с ума сошла. В двадцать лет навсегда о себе забыть.

Она и до двадцати не особо много успела. Только вышла замуж, через год-другой его на фронт забрали. А еще через год получила повестку. Погиб. После войны голод. Молодая женщина одна, а маленьких детей кормить надо. И такое люди переживали. А что у тебя?! Бананы, тортики, печенье в холодильнике. Все есть. Книги целый контейнер с собой привезли. Тетради, ручки. Пластинки. Совершенствуй себя. Работай. Чего нюни распускать?!

* * *

Проблема не в том, что ты попала в тяжелую ситуацию, а в твоей слабой воле, в неумении выдержать малейший дискомфорт.

Очнись! Ты же не в тюрьме, не на каторге, не на войне! Это только твое субъективное восприятие. Ты в большом великолепном городе, о котором мечтают как о счастье сотни тысяч людей в разных уголках мира. Чтобы попасть в этот город, люди переплывают океан на плоту, рискуя жизнью, бросают близких и родных, сидят в тюрьмах... на что только люди не идут, чтобы попасть в Нью-Йорк.

Руки ноги при тебе? Молодая, здоровая. Чего хнычешь? Ты в Нью-Йорке, в центре мировой цивилизации!

* * *

Нью-Йоркский университет. Зачем я сюда приехала, – сама не знаю. Приехала. Есть ведь у них и актерские, и режиссерские отделения. Есть «Creative writing department»¹. На месте разберемся.

Дверь лифта медленно отворилась и, невольно втягивая голову в плечи, я неуверенно вышла. В отличие от Бруклин-

¹ Факультет, где обучают писательскому мастерству.

колледжа, здесь все было чисто, современно, красиво. И блестящие под лампами полкоридора, и могучие лампы на потолках, и объявления, висевшие на стенах, – все это было другого – лучшего уровня. Откуда-то доносилась музыка Баха.

«Бах!» – с удивлением и радостью подумала я.

Осторожно ступая и жадно оглядываясь по сторонам, я пошла по коридору. Я и хотела, и боялась наткнуться на следы кого-нибудь живого. Я шла по коридору, как мальчишка, забравшийся в чужой амбар, как воришка, пробравшийся в чужие хоромы. Как будто, если бы меня спросили, кто я такая и что я здесь делаю, меня бы и впрямь уличили в воровстве!

Вот стеклянное окошко ресепшен-деск. Внутри пусто. Пользуясь тем, что секретарша отошла, заглядываю внутрь. На стене висит огромная, на всю стену картина... Хорошая картина! Полки с книгами... Ага! Сердце мое бьется чаще. Я невольно стою минутку, просто смотрю на покоящиеся по ту сторону, за стеклом, богатства человеческого наследия. Вид этого маленького офиса купает меня, как музыка, в блаженстве. Я всегда испытываю такое чувство при виде уютного, ярко освещенного письменного стола, удобного рабочего места, за которое так и хочется сесть и начать работать. Стол есть у меня и дома: только там почему-то меня невозможно заставить сесть за него. Я иду дальше.

Двери. Стены. «Room² 411», «Room 412», «Room 413»... Подхожу к одной из дверей, прислушиваюсь: ни звука. Воровски оглянувшись по сторонам, нагибаюсь и смотрю в замочную скважину. Ничего не видно! Тогда, легчайшим движением руки прикоснувшись к ручке двери, перестав дышать, тихо-тихо поворачиваю ручку и еще тише толкаю дверь так, что образуется маленькая щелка, через которую видна узкая полоска классной комнаты. Только полоска света видна. Полоска расширяется, увеличивается, медленно растет, пока я с облегчением не вздыхаю, поняв, что в классе пусто. Окинув взглядом пустые стулья, натертый паркет, доску, я закрываю дверь и иду дальше. Звуки музыки и голоса все отчетливей и ясней, они приближаются, растут в пространстве.

Внутренне превратившись в незаметную тень, сжавшись в малюсенький, до невидимой точки, комок, я иду, чувствуя ужасную неловкость и дискомфорт, страшно желая и страшно боясь того, чтобы ко мне обратились. Девочки и мальчики в джинсах, свитерах, футболках, кто стоял у стола, кто сидел за столом, кто стоял на стульях, развешивая какие-то гирлянды и шары. Как видно, они украшали помещение для вечеринки. В углу на столе уже стояли бутылки с различными крепкими и мягкими напитками, пачки с печеньем, другие угощения. На другом столе стоял тот самый магнитофон, откуда исходила божественная музыка.

² Комната... (здесь и далее *англ.*).

Одна из девчонок, отделившись от своих, повернувшись мне навстречу, спросила, глядя на меня, как глядят на незнакомца, которого вдруг обнаружили у себя в доме:

– Can I help you?³

– Я... Я...

Отчего с этими американцами я становлюсь такой робкой, такой беспомощно трусливой? Сколько раз я злилась на себя за это, сколько раз давала себе слово не бояться их! Попав в их общество, я тут же теряю все – и умение говорить, и умение понимать, и умение дружить, и умение быть собой!

– Я... хотела бы пройти в туалет, – говорю я.

– А! Туалет! – говорит дружелюбная американка. – Пройдите, пожалуйста, прямо и направо.

– Спасибо, говорю я и внешне спокойно, а внутренне, унося ноги, покидаю ярко освещенный вестибюль.

Снова оказавшись в пустом коридоре, я облегченно вздыхаю.

Снова я иду мимо пустых классов, мимо закрытых дверей. Вот на стене портрет какого-то незнакомого мне человека, под ним надпись:...the Great American Actor... Имя его представляет непроезжимый для меня каламбур. Чувствую, как холодная грубая рука, словно тисками сжимает мою грудь: не могу выговорить имя. Я стою у портрета и после долгого нашептывания, прищуривания, расщуривания, приближения головы, удаления головы наконец произ-

³ Вам помочь?

ношу по слогам: «Мак-уарси...». Я не уверена, правильно ли я озвучила имя великого актера, но все же повторяю его несколько раз, чтоб запомнить.

Немного дальше я замечаю другой портрет, тоже ничего не говорящий мне, на этот раз великого американского писателя. Я долго изучаю его имя и наконец произношу его вслух по слогам. Потом стараюсь вспомнить имя великого актера и его лицо, но уже не могу. И тут мне становится ясно, что я зря теряю время здесь, что я могу только ходить и смотреть, что я никогда не стану частью культуры, частью истории, которой совершенно не знаю. И если мне стоит таких усилий запомнить одно только имя или два имени, то, сколько должно занять времени, чтоб запомнить все имена, уже не говоря о творческом наследии, которое стоит за каждым именем.

Легко, естественно, как говорится, с молоком матери я вообрала в себя и знала, как знала свое имя, имена всех *наших* актеров и деятелей культуры, знала их работы, понимала их, любила. Я была в своей культуре как рыба в воде. А в американской культуре я была, как рыба, которую выловили из океана и привезли в Сахару.

Разве у рыбы есть шанс прижиться, адаптироваться в песчаной пустыне?!

* * *

Вышла на улицу. Автомобили. Клубы дыма. Стою, куда

идти, не знаю.

Нью-Йорк удивительно органичен в своем уродстве, этот город уродлив как внутренне, так и внешне.

Главное ощущение, исходящее от улиц, от всей атмосферы Нью-Йорка, – это ощущение адской помойки, состоящей, главным образом, из металла, копоты, гари, мусора, гниющих мусорных мешков и преступников, съехавшихся со всего мира.

В этом городе преобладают все мрачные, депрессивные цвета: черный, темно-коричневый, грязный, ржавый, серый и все их разновидности. Тяжелой депрессией здесь ложится на душу все: черные, коричневые билдинги⁴ – эталон уродства с черными пожарными лестницами. Все здания покрыты вдобавок к уродливому цвету, в который почему-то, как нарочно, их красят, копотью и черной гарью. Черные как смоль гигантские мусорные мешки выставляются прямо на улицах, источая зловоние и подавляя в человеке радость жизни.

На загазованных, покрытых черной гарью дорогах, – бесконечные пробки, толпища уродливого железа и резины. Высокие металлические и темные здания, утопая в гари, загораживают собой даже небо и солнце, чтобы человеку совсем грустно и тошно жить было. Редкие деревья или цветочки задохнулись в дыму и копоты и пахнут, скорее, бензином, чем растениями.

⁴ buildings – здания.

Я забыла, как ощущается один вдох свежего чистого, напоенного запахом листвы воздуха. Я забыла, как выглядят светлые краски. Даже лица людей здесь изуродованы загрязненным воздухом и отсутствием солнечного света. Лица все – тусклые, безжизненные, уродливые. У всех мешки и синяки под глазами, болезненная бледность на лице. Здесь не увидишь ни одного свежего, румяного лица с блестящими глазами. У всех на лицах – равнодушие, отчужденность, болезнь...

Вот сумасшедший стоит в луже, прямо в своих рваных тапках, он весь грязный, оборванный. Он топчет лужу, разбрызгивая слякоть, и с особенным ожесточением приговаривает: «You are fired! Fired! Fired! You! Miserable piece of shit!..»⁵

Никто не обращает на сумасшедшего внимания. Все бегут мимо, куда-то торопятся. Только сумасшедший бомж никуда не спешит. Он и я – никуда не спешим.

* * *

Мой родной город Нальчик... весь утопал в зелени. Городские парки и клумбы благоухали на каждом шагу.

Все было чисто. На асфальте ни окурочка. Солнечный свет заливал весь город жизнью и радостью, никакие небо-

⁵ Ты уволен! Уволен! Уволен! Жалкий кусок дерьма!..

скребы гигантских размеров не подпирали своим черным или серым металлом небо, не загоразивали свет. Открытое светлое небо над головой – это же так естественно!

У нас была река Терек, чистая и прозрачная, как мечта. Водопады с шумом ниспадали в ущельях, наполняя воздух необыкновенной свежестью. Гора Эльбрус – наша гордость и достопримечательность – хрустальным хребтом упиралась в небесную синеву, и это была такая картина, от которой захватывало дух. В наших полях спела пшеница, наш воздух был такой свежести, что к нам на курорт съезжались люди со всех концов советской страны. Лечились грязями, пили минеральные воды. Еще со времен Лермонтова и Толстого красота нашего края, его самобытность и свежесть привлекали людей самых выдающихся и ярких.

Как можно было променять чистый горный воздух, наши леса и поля, наши покой и умиротворенье... на гарь, копоть, кучи вонючего мусора, бензин и металл, на камни и уродство?! Зачем??? Почему?

За внутренним содержанием мы приехали?

Подойдите к киоску в любое время года, когда бы то ни было, возьмите в руки любой журнал: солидный, именитый, уважаемый... какой хотите. Что вы увидите на обложке? На самом крупном плане: главные герои этой страны – это какая-нибудь мамаша, которая сбросила своего ребенка с крыши или накормила своим грудным младенцем соседскую овчарку, или маньяк, изнасиловавший, а потом зарезавший и

съевший восемьдесят пять детей... и все в таком роде.

Включите телевизор – и вы услышите новости: о том, как очередной священник изнасиловал ребенка в католической школе, или как ребе убил свою жену и расчленил ее тело, а кусочки распихал по всему саду под деревьями, а овчарки случайно вынюхали кости. Или как какой-нибудь ученик средней школы застрелил из пулемета десять своих одноклассников и пять учителей.

Посмотрите самые популярные их передачи: выходит *герой дня*, семнадцатилетний подросток, застреливший свою мать за то, что она не дала ему посмотреть любимое шоу. Мать хотела смотреть мыльную оперу, а сын бейсбол. Ни тот ни другая не уступали друг другу. Тогда подросток пристрелил свою мать, чтобы она не мешала ему смотреть бейсбол. Посмотрев свою передачу до конца, подросток позвонил в полицию и добровольно сдался.⁶

Вся страна в шоке. Это же надо, застрелить кого-то за такую мелочь, да не просто кого-то, а собственную мать! Этот феномен страшно интересует американцев. Идет длительное интервью с героем по одному из самых центральных каналов, в одном из популярнейших ток-шоу с известнейшим телеведущим: как и почему он это сделал? Так же о нем упоминают все новости дня на всех других каналах. Ничего более достойного американцы для своих новостей не находят!

Убивает меня не столько то, что в этой стране находятся

⁶ Этот пример взят из жизни, как и все остальные, ничего не придумано.

такие дебилы, как этот подросток, который застрелил мать, сколько то, что из этих дебилов американцы делают героев. Хотя – стоит задуматься, почему именно в этой стране так много таких, как этот, больных на голову?

Мое твердое убеждение, что Сталин или даже Гитлер тускнеют в сравнении с подобными новостями, характерными только для Америки. Такой подросток может иметь место именно в Америке: это не случайное явление в этой стране, а закономерное. Однако эмигранты, выбравшие эту страну, не устают повторять про Сталина, угробившего сколько-то там миллионов людей, а того, что убивает меня здесь, в упор не видят.

Зачем мы приехали в этот Мир Уродства? Каким безумием руководствовались все эти десятки, сотни тысяч людей, бросивших свою родную, прекрасную страну ради этого Мира Уродства? Зачем мы сюда приехали???

* * *

Я оказалась напротив какого-то здания. Взгляд мой поразило удивительное зрелище. Прямо напротив меня располагался большой ресторан, где посетители чинно обедали, сидя за своими столиками.

Ничего в этом зрелище не было бы сверхъестественного (я уже привыкла к тому, как американцы смакууют еду), если бы через стеклянные окна второго этажа не был виден

огромный тренажерный зал, где, в то время как на первом этаже народ, не спеша, наедал себе жир на бока, на втором – с таким же усердием, но уже более рьяно и отчаянно, занимался сжиганием набранных внизу калорий.

Феноменально смотрится эшелон выстроенных в ряд тренажерных машин, и на каждой машине с сосредоточенным лицом, полным решимости и целеустремленности, человек, до пота бегущий в никуда. Люди с сосредоточенными лицами, потные от прилагаемых ими усилий, бегут и бегут, бегут и бегут, а при этом стоят на том же самом месте. Этакое массовое безумие: ведь это не один человек занимается такой бессмыслицей, а толпища людей.

Огромный тренажерный зал, своим размером напоминающий аэродром, – лишь символизирует эту страну. Вся Америка помешана на похудании и, пытаясь сбросить лишние паунды, бежит в никуда. Бежит, потея от натуги, при этом остается на том же месте. И в прямом, и в переносном смысле: ведь что толку сбрасывать вес, если ты тут же снова побежишь в ресторан?!

А на третьем этаже (третьего этажа уже отсюда не видно, я чисто логически догадываюсь) – на третьем этаже они, наверно, зарабатывают деньги, чтобы платить на первом и втором этажах.

О великая страна Америка! Почему тебе непременно нужно бежать, стоя на месте? Почему нельзя бегать нормально, по парковой аллее, например? Или хотя бы просто

по улице, на свежем воздухе? Почему все естественное тебе нужно непременно исковеркать, заключить в какую-то имитирующую естественный процесс неестественную копию?

Как же получилась, что у такой безумной страны так много поклонников?

* * *

Я должна собрать все силы. Я должна забыть обо всем на свете. Я должна стать машиной. Любой ценой – я должна одолеть этот английский!

* * *

Счетчик тикает. Боже мой! Мне уже двадцать лет! Двадцать лет! Где написанные шедевры?! Где хоть что-нибудь? Где хоть намек на то, что это когда-нибудь будет? Где хоть уж просто какая-нибудь человеческая профессия? Где самое важное, без чего даже громкие успехи мне не нужны, где Любовь?

* * *

Сотни тысяч людей эмигрировали из Советского Союза в Америку. Большинство из них живет в Нью-Йорке.

Из такого количества людей ты не можешь найти одного нормального молодого человека?! Это абсурд! Быть такого не может!

А кто говорил, что нет ничего для нее невозможного, стоит ей только сильно захотеть?

Что ж, давай, подумаем стратегически: как его искать? Можно не ждать пассивно, когда он напишет о себе в «Новой жизни», а самой дать объявление.

«Девушка, 20, рост 5,7 (в США рост измеряют не в см, а в футах и дюймах), любит литературу. Устала общаться с программистами. Есть ли в этом городе хоть один молодой человек, которого серьезно интересует что-либо еще, кроме материального благосостояния?»

Неудобно писать объявление в газету, что ищу Любви... Можно написать сдержанней. Ищу друзей по интересам: творческих людей, поэтов, художников, музыкантов, моих ровесников...

* * *

– Здра-а-сте! Меня зовут Мэри Дурнева! Я поэт. Я звоню по объявлению. Очень интересное объявление. Как это нет поэтов в эмиграции! Как это нет своих людей! Да у меня здесь сотни поклонников! Я тебя познакомлю, конечно. Сколько тебе лет? Девятнадцать? Вот здорово! И мне тоже! Конечно, нам нужно встретиться! Могу тебя сразу и при-

гласить на вечер своей поэзии, тебе будет интересно. Давай встретимся в четыре часа на Брайтоне, на углу Кони-Айленд-авеню. Почему я уехала из Союза? Ты что, серьезно спрашиваешь?! Нет, ты не творческий человек. Творческий человек не может не понимать... Свобода – для творческого человека – это все! А без свободы его нет! Не может быть творчества без свободы. Что именно я подразумеваю под словом «свобода»? Ну, ты спросишь! Ты чувствовала, что и в Союзе была свободна?!!! Какая свобода в Союзе! О чем ты говоришь! Да там даже невозможно и двух стихов в журнале каком-нибудь напечатать. Почему невозможно? Кроме своей просоветской белиберды они ведь ничего не печатают. Я уже знала слово в слово, все, что они опубликуют, заранее могла сказать, о чем будет кино, которое я пойду смотреть, о чем будет книга, которую возьму читать... О чем? Так все уже знали наизусть, всех уже тошнило. Все сказки небылицы, о «светлом будущем» социализма, о добре, справедливости, равенстве, которых на самом деле не существует, о том, чего нет в действительности, о том, во что отвергли и разочаровались. А здесь? Здесь совсем другое дело! А здесь я издаю свою книгу. Я могу писать, о чем хочу! У меня вечера поэзии! Презентации. Совсем другая жизнь. Кто там напечатает?! Там можно печатать только одно – про счастливое советское будущее.

* * *

Вот это да! Недаром говорят, что под лежащий камень вода не течет. Только одно новое движение – и вот, уже результат! Поэт, моя ровесница... Я уже приглашена на вечер поэзии... Я не зря всегда говорю: нельзя сдаваться, нужно пробовать все пути, даже самые безнадежные. Как я и думала, результат может неожиданно приятно удивить.

* * *

На Брайтоне я долго не могла найти Мэри. Кстати, почему Мэри? Наверно, ее зовут Мария... Вечно они здесь строят из себя...

Женщина лет пятидесяти, а может, и сорока (я не разбираюсь) окликнула меня по имени.

– Привет, я Мэри! – радостно представилась она. – Я рада, что ты пришла послушать мою поэзию!

От удивления я не сразу могла сказать что-либо. Мне, в общем-то, все равно, даже если Мэри и шестьдесят, мне в нее не влюбляться... Но зачем ей понадобилось врать мне, что ей тоже девятнадцать? Странно как-то...

– Я бы вас здесь до второго пришествия искала... – сказала я смущенно. – Вы сказали, что вам девятнадцать лет...

– А мне и есть девятнадцать! – весело и очень искренне сказала Мэри. – Ты не смотри на меня так! Мне в душе – девятнадцать!

Действительно, на лице Мэри была какая-то детская ясность и жизнерадостность.

– Ну, пошли? – весело сказала она мне.

Мы отошли в середину квартала, и Мэри остановилась, бухнула на пол свою огромную сумку, достала из нее картонную табличку, поставила у ног, стала, как актриса, в театре, сосредоточилась и... начала громко, на всю улицу.

– Уважаемые дамы и господа! Ladies and gentlemen!!! Сейчас! Перед вами выступит... Свободный поэт! Вырвавшийся из удушья советских застенков...

Мэри декламировала уверенно и бодро. Ее громкий голос и горделивая осанка останавливали людей. Люди начали собираться вокруг.

– Я не поняла... – сказала я. – Вечер поэзии – это здесь? На улице?

Однако Мэри уже не слышала меня. Полностью войдя в азарт, она громко и горделиво читала нараспев свои стихи.

Кто может остановить меня в моем полете?!

Как страны севера и юга

Вы все врете!

А мой полет – вам не остановить.

Через века, через глумленья прессы

Моим стихам все ж жить!..

Люди останавливались с интересом узнать, о чем здесь говорят, немного послушав и поняв, что читают стихи, шли дальше. В основном это были русскоязычные старички и старушки. Увидев, что один за другим люди уходят, не слушая стихов, Мэри не выдержала.

– Вы вовсе не должны меня слушать, – сказала она, внезапно перестав читать стихи. – Идите! Идите! Вы бестактны, должна вам заметить (с дрожью в голосе). Я привыкла к повсеместному хамству в Союзе. Но здесь, в Нью-Йорке, мне казалось, я должна была бы от этого избавиться. Все правильно. Я не должна была читать для русских. Русские все хамы! Что значит, вы не хотели меня обидеть? Что значит, не хотели перебивать? Еще нет и часа, как я вам читаю свои стихи... И вы не в состоянии дослушать... не перебивать?! Да вы знаете, если я сейчас толпу окликну и прочту ей свои стихи... Вы знаете, что будет?! Ведь вы... раскаетесь...

Дрожащими руками, Мэри уложила назад в сумку, большую картонную табличку с надписью, которую я лишь теперь прочла:

Все сборы пойдут на издание книги стихов:
«Замечательная жизнь одной женщины».

– Пошли отсюда, чуть не плача сказала она мне.

Лицо Мэри было взволнованным и красным. Было жаль ее. Но кто ж читает стихи на улице? Да еще на Брайтоне.

Однако опыт не учил Мэри.

– Пошли, там есть скверик, где в основном американцы собираются, – сказала она. Для русских разве можно что-то читать? Америка-а-анцы (!) – не поймут? Я уверяю тебя, они все поймут! Ну и что, что я буду читать по-русски? Воистину гениальное люди чувствуют, даже не понимая.

– Hey! People! – снова стала кричать нараспев неугомонная Мэри, – I would like to have your attention. I would like to read my poetry for you! Listen people! Listen!⁷

Кто может остановить меня в моем полете!..

Никто не останавливался. Люди оглядывались с выражением странного любопытства, как на что-то дикое и непонятное, затем отворачивались и проходили мимо.

А она все стояла, размахивая руками, громкая, страстная, не замечающая или не понимающая выражения лиц, обращающихся к ней.

Я стояла неподалеку, и мне было стыдно. Бросить Мэри здесь одну и уйти, я тоже не могла. Вы думаете, Мэри расстроилась из-за того, что американцы ее не слушали? Начитавшись вволю своих стихов, она подошла ко мне, уставшая и счастливая.

– Ты видела?! Нет, ну ты – видела? – радостно говорила она, словно она актриса, только что прибежавшая со сцены, где ей зрители устроили овацию. Американцы – это же со-

⁷ Привет! Люди! Внимание. Я бы хотела почитать вам свои стихи! Слушайте, люди! Слушайте!

всем другое дело! Это же культурный, воспитанный народ! Даже на русском языке они поняли мои стихи! Они поняли! – Мэри была счастлива.

Этот день я убила в ее обществе. Больше я никогда не встречалась с поэтом Мэри, имя которой, как знать, может быть, мы еще услышим.

* * *

По этому же объявлению позвонил мне Гена, художник. Вернее, бывший художник, несмотря на то что ему было всего 22 года. Он показался мне интеллигентным, и я решила встретиться с ним. В Америке практически у каждого молодого человека есть машина, а у Гены не было.

– Я практикую усмирение своей плоти, нарочно не даю своему телу комфорта! – объяснил Гена то, что пришел на встречу со мной пешком.

Мы встретились на бордвоке, на Брайтоне.

– Я не сразу поняла, о чем он говорит.

– Я обрел в Америке высший смысл жизни! – заявил мне Гена.

– Да? – заинтересовалась я. – Какой смысл?

– Джапа медитация: тот обретет счастье, кто освободится от всех мирских желаний, а следовательно, и от тревог.

– То есть как?

– Я уже научился спать на твердых досках, я могу уже не

есть почти два дня. Я медитирую... с этим у меня не так хорошо: максимум, что я могу выдержать, это восемь-девять часов.

– Девять часов медитации?! – с ужасом спросила я. А сколько бы ты хотел выдержать?

– Был один великий мудрец – Шива. Он мог сидеть неделями в шалаше и, не отрываясь смотреть на стену. Ему явилась истина! А другой индийский гуру смотрел на солнце до тех пор, пока не ослеп, но был рад этому обстоятельству, потому что предметы материального мира перестали отвлекать его и он мог лучше концентрироваться на высших мыслях. Это не слепота, а прозрение на самом деле.

То, что проповедовал Гена, было интересно мне, но я была так далека от усмирения плоти и освобождения от всех мирских тревог. Как можно, находясь в материальном теле, объявить бойкот ему?! Как можно – жить в материальном мире и быть свободной от мирских тревог?! Нет, Гена, медитируй-ка ты без меня. На прощание я, как всегда, спросила его, почему он уехал из Союза?

– Лживая страна, этот твой Союз!

– Почему лживая?

– Они внушили мне в Союзе, что я должен стать художником, потому что «жизнь коротка, а искусство вечно»!

– Ну и что? Что в этом плохого?

– Так они ж меня обманули! Сейчас, когда я уже приблизился к максимальному высвобождению от всего суетного,

я понял, как меня там обманули! Когда я очищусь совсем, я приближусь к Богу! В этом – настоящая истина. А искусство... зачем рисовать то, чего вокруг полно? Я что, лучше нарисую, чем вот это, настоящее? – он показал на песок, на небо. – Или рисовать, чтобы мне денег дали? Или, чтобы я мог утолить свое эго?

– А как ты вообще дошел до этих своих истин? Там или здесь?

– Здесь, конечно! Там все это строго запрещалось. Мои родители увезли меня, когда я был желторотым щенком, мне было восемнадцать. Здесь я пришел в специальную школу. Там я встретил своего учителя. Эта встреча открыла мне на все глаза. Я переродился. Если ты сможешь услышать, что я тебе говорю, ты тоже переродишься! Тебе сразу станет легко жить! У тебя не будет никаких депрессий. Давай будем повторять с тобой имя Господа! Повторение имени Господа оказывает очистительное влияние. Тебе нужно очищаться... от всего мирского, суетного... Ты увидишь, как все изменится!..

* * *

– Привет! – голос глубокий, приятный.

– Привет.

– Я звоню по объявлению. Меня зовут Ихгорь.

– Очень приятно.

– Я во всем соответствую описанию в хгазете.

– Неужели вы творческий человек?!

– Да. Я барабанщик. Я ихграл в ансамбле, на свадьбах в Союзе.

– А-а-а...

– Мне двадцать три хгода, я в твоей возрастной катехгории, за исключением одной проблемы: я хгомосексуалист.

– И что? Что это такое?

– Ну, ладно... Кончай притворяться... Ты не знаешь, что такое хгомосексуалист?!

– А мы, что уже на «ты» перешли?

– Кончай притворяться. Ладно, можешь считать, что я пошутил.

– Ну и все-таки... что значит «гомосексуалист»?

– Ты серьезно не знаешь?! Вот это дает! Ну это, когда два мужика, хе-хе, любят друхг друхга в задницу, гы-гы-гы.

– Как? Это как понять?

– Ну трахают друхг друхга в задницу. Понимаешь?

– Нет. Что ты имеешь в виду? Говори нормально, а не иносказаниями.

– А я и хговорю нормально. Любят друхг друхга в жопу! Как тебе еще сказать? Я тебя как-нибудь повезу в хгомосексуальный клуб, сама увидишь, может, поймешь. Короче! Не хгомосексуалист я. Это была шутка. Но звоню я тебе с интересным предложением.

– С каким?

– Давай сделаем фиктивный брак. Ты выйдешь за меня замуж, я получу американские документы, заплачу тебе пять штук. Идет?

– Пять чего?

– Ты не знаешь, что такое «штука»? Ну, ты даешь! Откуда ты приехала?

– Это ты откуда приехал? Я приехала из Союза и говорю по-русски.

– Все ясно с тобой.

– Что тебе ясно? Что ясно? – я презирала его со своей стороны не меньше, чем он меня со своей.

Мы взаимно презирали друг друга.

– Ну хорошо, ты подумай, я тебе еще позвоню.

* * *

Не прошло и часа, как Игорь перезвонил снова. – Ну что, ты подумала?

– О чем? – не сразу вспомнила я.

– Ну о браке. Фиктивном.

– А-а-а, а что для этого нужно?

– Ну, нужно, чтобы у тебя был американский паспорт или хгрин-карта.⁸

– Паспорта американского у меня нет, грин-карта есть.

⁸ «Грин-карта» – документ на право жительства в США.

– Ну и нужно состоять со мной в браке около двух лет, возможно, понадобится еще третий хгод. Отложи на всякий случай три хгода.

– Три года?! А если я завтра встречу свою Любовь, я не смогу с ним расписаться?

– Чех-го-о? Кого встретишь? – голос Игоря стал пронзительно писклявым и насмешливым. Лю-ю-бо-о-овь! – передразнил он. – Какая любовь! В современном мире есть секс, есть бардаки и есть травка. Все остальное люди себе сами придумали. Знаешь, есть анекдот: любовь придумали евреи, чтобы не платить деньги.

– Мне тебя жаль – сказала я.

– А ты себя пожалей: сидишь там, в четырех стенах, капусту не рубишь, да еще у тебя ребенок маленький. (Про ребенка я специально рассказала Игорю, надеясь, что это отпугнет его и он перестанет звонить.) Кому ты нужна со своей любовью?

– Только при чем здесь капуста? – не поняла я.

Игорь опять разгоготался своим пронзительным писклявым смехом.

– Не хговори мне, что ты не знаешь, что такое рубить капусту! – почти пропищал он.

– Не знаю, – спокойно, с полным сознанием своего достоинства ответила я.

Ишь, решил меня чем стыдить: я, видите ли, не знаю, что такое «рубить капусту». Надо же!

– Рубить капусту, это деньги делать. Поняла?

– Ну поняла.

– Да-а-а... тяжелая ждет тебя жизнь.

– Ты считаешь, что, потому что я не делаю денег и у меня маленький ребенок, меня никто не полюбит никогда?

Ну, может, какой-нибудь инвалид отъехавший и полюбит тебя кохгда-нибудь. Все в жизни бывает. Только тяжело тебе будет такого найти. Вот о чем я.

– Отъехавший? Куда отъехавший? – меня страшно бесили как сам Игорь, так и эта его циничность. И эта вечная манера говорить какие-то непонятные мне слова с таким умным видом, как будто это не он был шпана из подворотни, а я была – неуч и бездарь, не знавшая элементарных азов русского языка.

– Отъехавший? Это значит чокнутый немного, тью-тью. Вот, как ты, например.

– То есть меня может полюбить только чокнутый? – Все же он смог сделать мне больно, этот кретин.

– Не пойми меня неправильно: выступить с тобой каждый захочет, но я не об этом. Ты же хговоришь о лю-люб-ви-и! Кто повесит тебя на свою шею, да еще вместе с маленьким ребенком?! Какая любовь, бля!

– Выступить? Где выступить? Здесь есть русские театры? – заинтересовалась я.

И опять насмешила Игоря.

– Ты не знаешь, что такое «выступить»?! Хгде ты росла? Я

хотел бы побывать в том ухголке Советского Союза, где выращивают таких отъехавших девчонок! Трахнуть тебя, бля, каждый захочет!

– Знаешь что?! Ты, кажется... забываешься. Иди-ка ты... Я повесила трубку. Не могла сдержать раздражения, которое Игорь вызывал во мне. В то же время мне было жаль Игоря. У каждого своя правда. Для Игоря своя правда, для меня – моя.

* * *

...Заколдован невидимкой,
дремлет лес под сказку сна,
словно белую косынкой,
подвязалася сосна...

Просто налетают фрагменты, словно видения, – коснутся души, душа подымет голову, а видение уже исчезло, будто оно призрак.

* * *

Не прошло и двух дней, Игорь позвонил опять, как ни в чем не бывало, как будто это не его я послала накануне и, кажется, он даже ничуть не обиделся.

– Ну что, отъехавшая! – говорит он в трубку. – Все сидишь взаперти, любви ждешь? Сиди, сиди. А я только что из борделя!

Вмиг я почувствовала раздражение, с трудом удерживала себя, чтобы не наругать ему и не бросить трубку.

– Зачем мне знать про твои бордели? – не очень приветливо сказала я.

– Ох, какой расто-о-рч! Такие корейки, бля! Такие отсосы делают! Это можно умереть от удовольствия!

Моя первая реакция: возмущение – как он смеет говорить со мной так! Затем – смущение: зачем я все это слушаю, надо бы повесить трубку. Следом за этим: любопытство – это уникальный шанс узнать подробности «шикарного секса», и с Игорем, которого я презираю, я могу узнать все, что меня интересует о сексе, а именно – что есть в понятии мужчины шикарный секс. Поэтому я не повесила трубку, а продолжала слушать, не смея, однако, задавать вопросы. Игорь сам все рассказывал.

– У кореек есть какое-то звериное чутье, они так чувствуют мужское тело. Ох, корейка-а-а, бля!

– А что именно насчет мужского тела? – не выдержала я.

– Ну это невозможно объяснить. Пришел, принял душ, пыхнул. Ох, хорошо, бля-я!

– А матом обязательно?

– А ты что, маменькина дочка?

– Нет.

– Ну, так расслабься, я ж тебя не съем по телефону! Я вообще только по корейкам специализируюсь: мне нужен только секс, тебе Любовь! Нам с тобой не по пути. Разве что, если ты со мной пыхать будешь. Будешь?

– Что?

– Пыхать, бля! Будешь, спрашиваю?

Сказать ему опять, что я не понимаю его дурацкого жаргона, значит, снова вызвать его насмешку. Молчу, соображаю, а он уже сам так спокойно мне говорит.

– «Пыхнуть» – значит курить травку. Знаешь, травку?

– Конечно, знаю. Марихуана? – спокойно, как о чем-то давно известном сказала я.

– Марихуа-а-а-на... растение всех растений! Это то, чему нет конкуренции. Спроси меня: десять телок или трава? Я выберу травку. Спроси меня: десять кореек или трава?

– Ты выберешь травку, – с презрением и вместе с тем с жалостью к нему сказала я.

– Трава – это царь всего!

– И давно ты так – пристрастился к траве?

– С пятнадцати лет курю, – с гордостью заявил Игорь.

– Ох, несчастный! Ты же инвалидом станешь!

Инвалиды те, кто не знают, что это такое! Вот ты осуждаешь всех, кто балуется этим, да? А ты же не знаешь даже, в чем ты обделена! Люди, которые ни разу в жизни не курили траву, не знают даже, что они пропустили. Ты попробуй один раз! А потом хговори!

– Не буду я пробовать! Мало ли, даже если это мне понравится, это деградация!

– Ох, отъехавшая, отъехавшая... Ладно, поехал я, у меня очередная смена. Восемнадцать часиков отпаши, бля, по этим дорогам! Я уже скоро импотентом стану! А ты сидишь себе там – Лю-ю-бо-о-овь, бля! Какие у тебя проблемы?! Все, я пошел, будь здоров.

После звонков Игоря мне хочется удавиться еще больше, чем до того, как он звонит. Он раздражает меня страшно. Сама не знаю, почему я с ним говорю?

* * *

Позвонила Людмила и со священным восторгом прошептала, горячо дыша в трубку:

– У меня для тебя есть такой парень! Миллионер! Это-то уж не может тебе не понравиться: на этого спрос такой, что уже не его, а он выбирает. Смотри, моя милая! Не упusti этот шанс! Такой шанс раз в сто лет бывает. Поняла меня?

– Поняла.

Я неисправима: все-таки предварительно поговорила с ним по телефону. Ничего особенного он мне не сказал: зовут Женей, тридцать два года (о-о-о, старик), родом из Ленинграда, в Америке двенадцать лет (а это для меня плохо, значит, далек от всего русского), и все-таки голос его мне понравился. Голос очень много значит. Помимо того что го-

лос может быть обаятельный или отталкивающий, голос может быть умный или глупый, ленивый или целеустремленный, сосредоточенный или расхлябанный.

Голос или, скорее, манера говорить, очень много может сказать о человеке. Порой звонит человек, и только еще он сказал: «Здрассе, меня зовут так-то, я хотел бы то-то», – по одному тому, как он сформулирует и произнесет только это вступление, можно определить, глуп человек или смышлен, воспитан или не воспитан, образован или нет... Многое можно определить.

Так вот, у Жени голос был обаятельный, смышленный, воспитанный. Я могла сразу определить, этот человек не валялся в безделье и апатии сутками в кровати. Я решила с ним встретиться по двум причинам: первая меня вдохновляла энергия жизни, исходившая от него, которая чувствовалась даже по телефону и заряжала погибающую от хандры меня, вторая – меня все-таки заинтриговало вступление Людмилы. Неужели я познакомлюсь с настоящим миллионером?! Все-таки велика сила общественного давления!

В пять часов вечера, после долгого пустого мучительного дня, который я провела большей частью в постели, я встаю, чтобы идти в душ и начать собираться. Слегка подпухшее от долгого лежания в постели лицо мое мне противно. Отвратительны мне мои вялые руки, слабость в ногах, отвратительно это измученное выражение лица, эта гниющая мрачная квартира, эти шкурки от апельсинов, засохшие кусочки

недоеденного хлеба, сыра, стаканы с коричневыми пятнами от чая у моей постели.

Но, встав и сознавая, что через час я, одетая, свежая и красивая уйду из этой квартиры, что на улице меня будет ждать другой человек – живой, активный, бодрый, я чувствую, как бодрость мгновенно приливает к моему телу.

Я быстренько убираю весь мусор из спальни, всю посуду сваливаю в раковину и, вымыв ее до блеска, вытираю со стола на кухне. Затем, вытряхнув простыни и взбив подушки, заправляю свою постель, распахиваю окно, и в квартире у меня сразу становится свежей, просторней и светлей.

В эти минуты, я чувствую в себе столько вдохновения и энергии, что обещаю себе, что хоть сейчас и уйду на свидание, зато завтра весь день, с самого утра буду работать. А пока я иду в душ. Вымывшись, обливаюсь холодной водой. Я чувствую себя проснувшейся, ожившей. Затем я долго кручусь перед зеркалом, соображая, что надеть. Наконец, я останавливаю свой выбор на белом свитере, туго обтягивающих джинсах и бежевых туфлях на высоких каблуках.

Запрокинув голову вниз, я массирую ее двумя щетками, и через минуту мои волосы становятся пышными и блестящими. Кровь приливает к лицу от опущенной вниз головы и массажа. Уложив волосы вокруг лица в легкий художественный беспорядок (я люблю свободный, естественный стиль), я принимаюсь за косметику. Румяна, пудру, тени для глаз: все это я накладываю лишь настолько, чтобы слегка освежить

лицо и придать ему нежную «естественную» яркость.

Семь часов тридцать минут вечера. Белая роскошная машина, как из голливудских фильмов, подъезжает к моему подъезду. Сигналит. Пунктуален. Я, на каблуках, сбегая вниз по лестнице и, открыв дверцу, сажусь в автомобиль сказочного принца. Улыбаюсь, немного робею.

– Привет!

– Привет!

В машине свежо и чисто. Мягкие сиденья, обтянутые новехонькой кожей, звездные экраны табло, мерцающие ярко-алые огни на спидометре, похожем, скорее, на пульт управления космического корабля, чем на спидометр автомобиля. Невольно восхищаешься техническими достижениями здешней цивилизации. Тихо играет музыка, но и так заметно отличное качество стереозвука. Звезда нашей эмиграции Люба Успенская поет своим хрипловатым соблазнительным ГОЛОСОМ:

Мамочка, мама,
прости, дорогая,
что дочку воровку на свет родила!
С вором ходила,
да вора любила,
вор воровал, воровала и я...

Средний рост. Упитан. Не молод. Русые, коротко постриженные волосы. Одет прилично. Внешне... м-м-м... так се-

бе, но разве это важно?

– Ну, куда поедем?

– Пить кофе? – неуверенно говорю я.

– Кофе? Есть товарищ лейтенант! – и, поведя рукой, как фокусник, Женя привел машину в движение.

От него пахло жизнью, энергией, и я это остро чувствовала после могилы своей квартиры. От всей его фигуры исходило какое-то ощущение размятости, какое исходит от человека целый день что-то делавшего. Еще от его посадки за рулем, от манеры крутить руль исходило некое ощущение молодецкой удалы. Все в этом мире мне по плечу, и море мне по колено! – словно говорили его большие руки, небрежно поддерживающие руль и одним пальцем управляющие автомобилем.

Мы приехали на традиционный канал, где было расположено множество ресторанчиков и кафе, куда, как правило, ездит вся русская молодежь Бруклина. На канале было безлюдно. Фонари отражались в воде. Огромные корабли стояли причаленные к бортам. Парочка целовалась, стоя у пристани, и ветер развевал их волосы. Я невольно засмотрелась на них, а Женя, заметив это, но по-своему истолковав, сказал:

– Да, «боуты» это прекрасно. Я думаю, что в один прекрасный день... и этот день совсем недалек – I can afford to buy myself a bout like that.⁹

⁹ «Я смогу себе позволить купить такой корабль», – не совсем правильно грам-

Я хотела сказать, что смотрю не на «боутс», а на парочку, но передумала и сказала:

– О чем вы говорите, Женя? Это же сумасшедше дорогие корабли!

– So, what?¹⁰ – он игриво улыбнулся.

У моего нового знакомого была привычка все время смотреть исподлобья и поминутно воровски оглядываться по сторонам. Глядя на него, казалось, что он сейчас отобьет чечетку и затем скажет, приподняв свой цилиндр и взмахнув тростью: «Ша! Я из Одессы! Сдрасьте!»

Разумеется, ни цилиндра, ни трости не было, к тому же я знала, что он из Ленинграда, просто я так его видела, мое воображение дорисовывало. Чем-то его образ напоминал Остапа Бендера, но не того, что из фильма, а того, что из книги, может, потому что был ловкий такой же, а может, потому что носил шарфик на шее. А еще он немного напоминал фокусника в цирке: какие-то ловкие, плавные движения – и постоянно все возникало, как будто из воздуха.

Мы зашли в уютное кафе, расположенное прямо напротив воды. В окно кафе видны были причаленные к пирсам корабли. Белокурая официантка (здесь все норовят выкраситься в блондинок) с мешками под глазами, морщинами на лице, но, несмотря на преклонный возраст, в мини-юбке, едва прикрывавшей ее трусики, провела нас к столику и пода-

матически сформулированное предложение, но передаю дословно.

¹⁰ Ну и что?

ла меню.

– Расскажите мне что-нибудь о себе, – сказала я, когда мы уселись и официантка, записав наш заказ (мне коктейль из мороженого, а ему напиток: brendy on the rocks),¹¹ убежала, виляя задом.

За столом я могла лучше рассмотреть его лицо. Серые, маленькие постоянно бегающие глаза. Странная манера постоянно держать голову слегка втянутой в плечи, как если бы он скрывался от кого-то, и поминутно стрелять глазами по сторонам, как если бы он постоянно опасался появления кого-то и боялся, чтобы этот кто-то его не узнал.

– Я строю свою империю в Америке.

Я подняла брови, глядя с вопросом.

– Видишь ли, Америка это страна, где все строится на купле-продаже. Это огромный механизм, без которого Америки, как таковой, вообще быть не может. – Он стрельнул глазами вокруг, глядя исподлобья, как будто он был прячущийся шпион, выдающий мне важную тайную информацию. – Так вот, вопрос состоит в том, как продать подороже, а купить подешевле. Этот вопрос занимает, пожалуй, всю деловую Америку.

Я слушала своего собеседника с любопытством.

– Здесь возможностей делать деньги – немерено! – он опять стрельнул глазами по сторонам. – Как эти самые называются? Ну, эти, что дети сосут? Соски! Соски, да, так вот

¹¹ бренди со льдом.

эти самые соски, можно смазывать витаминами и продавать как новинку! Ничего не стоит наладить систему снабжения сосок витаминами, а цену, благодаря этому, можно увеличить вдвое!

Женя рассказывал увлеченно, видно было – он понимал толк в бизнесе, умел делать деньги. Я знала, как это ценили все вокруг, понимала, что такого жениха надо бы уважить... но... увы, не для меня это все. Мне его миллионы, как козе баян. Не нужно это мне. Он хороший парень. По-своему, даже творческий. Живой. Я бы хотела с таким просто дружить. А влюбиться... нет, это совсем не тот человек.

– Ну, а ты? Чем ты занимаешься? – спросил меня Женя, глотнув из своего стаканчика бренди и закуривая, не забывая при этом причесать быстрым взглядом все углы вокруг.

– Я? – невольный вздох вырвался у меня и на мгновение этот вопрос отравил мне вкус моего мороженого и приятного вечера. – Не спрашивайте даже.

– Почему? Что такое? – Женя выпустил дым, стрельнув опять глазами вокруг, воровски глядя исподлобья.

– Не знаю. Никак не могу найти свое место. Вообще, я хочу заниматься литературой, кинематографом, но вы же понимаете, здесь это очень трудно.

– О-о-о! Девочка, искусство, ты это забудь! Здесь уже это никому не нужно. Здесь нужно поменять курс. Отчего бы тебе не заняться... – он перечислил какую-то традиционную муру, типа косметолог, программист, медсестра...

– Что значит, *нужно* поменять курс? Зачем нужно? Чтоб деньги зарабатывать? А зачем они мне нужны, если для того, чтобы заработать деньги, я должна превратить свою жизнь в каторгу?

– Ты, девочка, еще молоденькая. Многого еще в себе сама не понимаешь. Тебе в Союзе мозги промыли, ты и поверила. Ты знаешь, зачем тебе искусство? Творчество – зачем?

– Как, зачем? Мне нравится. Я в этом вижу смысл.

– Смысл, да? А какой смысл? Через искусство величия своего ты ищешь. Тебе в Союзе внушили, что люди искусства – гении, чуть ли не боги! Слава у них была там и почет. Через искусство – ты власти ищешь. В Союзе высшая мера власти и почета – это, если ты кто? Гений! Великий поэт! Скульптор, композитор. Здесь, девочка, смена власти. Здесь твои стихи и песни на фиг никому не нужны. Здесь нужны деньги! И только через деньги ты будешь иметь ту силу, тот почет, ту власть, к которым ты стремишься.

– Какая ерунда! Вы всех судите по себе. Какая еще власть? Слава, еще да, но это потому, что мне нужна любовь людей. Создать красоту, проникнуть в сердце, это да. А кому нужна власть, которую можно купить деньгами?! Без любви – власть мне неинтересна.

На прощанье, я задала ему свой традиционный вопрос:

– Почему ты уехал из Союза?

– У меня в Союзе было все: власть, деньги, связи! Одно было плохо, если бы я не уехал, я бы сейчас сидел. Женя

опять стрельнул глазами по сторонам. То, что здесь называется коммерцией и бизнесом, они там называют спекуляцией и нарушением закона. Зачем мне всю жизнь дрожать и бояться быть пойманным, когда здесь, в Америке, я могу открыто делать то же самое и быть уважаемым бизнесменом? Возил я дубленки из одного города в другой, всю дорогу дрожал. Накроют мой товар, мне наручники наденут. А все за что? Я покупал в одном городе дешево, вез продавать в другой дорого. Это, ни дать ни взять, бизнес! А у них – это статья! За это там сажали.

– А здесь, вы попали в свою стихию?

– Здесь тоже все не так просто: пока эти зелененькие зарабатываешь, сам позеленеешь. Моего друга и партнера по бизнесу убили. А на его месте мог быть и я. Здесь тоже все не просто.

* * *

После кафе Женя, не спрашивая, хочу ли я, привез меня к своему дому и был очень удивлен тому, что я отказывалась зайти к нему в гости.

– Девочка, мне никто еще никогда не отказывал! – сказал он мне с раздражением. – Ты знаешь, сколько стоит мой час? Я потратил на тебя почти три часа своего времени, и теперь ты будешь строить из себя целку?

Я покраснела от возмущения.

– Отвезите меня домой, – твердо сказала я.

– Ты уверена? – угрожающе спросил он.

– Да, я уверена.

– Я взрослый человек, девочка! Я же не пацан, к которым ты там привыкла. Вась-вась! У меня нет времени вась-вась-каться. Я деловой человек!

– Тем более что у вас нет времени, отвезите меня домой.

– Ну, смотри! Ты, надеюсь, понимаешь, что я тебе больше не позвоню?

– Потому что я не согласилась переспать с вами после двух часов знакомства? Ну и не звоните: туда вам и дорога!

– Хорошо, я отвезу тебя. Только смотри, не пожалей.

* * *

– Ты не хочешь миллионера????!! – возмущалась в трубку Людмила. – Нет, вы подумайте! Кто ты такая думаешь ты есть? У тебя вообще с мозгами все в порядке? Миллионер (!!!) тобою заинтересовался! А она носом вертит!

– Я не верчу. Просто он мне не подходит. У нас интересы разные. Нам с ним не о чем говорить. Меня его соски с витаминами и дубленки не интересуют, а его мои художники и композиторы. Он отличный парень, я согласна, но он не для меня! Мне нужен тонкий, возвышенный, творческий человек. Неужели нет ни одного творческого человека?

– Есть один. Я тебе уже о нем говорила, в нашем доме

живет. Скульптор. Очень талантливый...

– А! Тот старик, которому тридцать с лишним лет? Не, за тридцать – это уж совсем! Я хочу парня. Ну хотя бы до тридцати!

– Ты никогда никого не найдешь! Ты летаешь в облаках! Такого мужчину, как Женя (!), отбросить! Ну, знаешь, нечего тебе после этого сказать.

Глава вторая

Июнь – декабрь 1985 г.

Вечер. Скука. Кому бы позвонить? Глаза пробегают по очереди все имена в записной книжке, листочки с именами кончаются и снова пустота зияющая. Снова первая страница записной книжки, снова странички кончаются. Нет, никого не хочу. Лучше быть одной. Однако, когда час-другой спустя раздается звонок, я чувствую, что несказанно рада, кто бы это ни был.

– Ну что, отъехавшая! – говорит Игорь, – все сидим, Лю-ю-бви ждем?! Поехали, я тебя с солидными людьми познакомлю. Ты же у нас поэтов любишь! Творческих людей ищешь! Я тебя с такими людьми познакомлю, у тебя крышу снесет. Они, правда, почти все хгомо.

– Что?

– Хгомо! Хгомосексуалисты все, кроме Кузьмы и Хгены. Что тебе сидеть и чахнуть дома одной. Поехали, развеешься!

* * *

Я еду с Игорем, для того чтобы хоть куда-то пойти. Не могу выдержать этого постоянного сидения дома. Когда я провожу в квартире два-три дня подряд (могу, конечно, выйти

пройтись по улицам, но это не в счет), любой, даже такой, как Игорь, уже может за мной приехать. Я готова на все, даже провести вечер в обществе такого человека, как Игорь.

* * *

Игорь был худощавый, широкий в кости, среднего роста черноволосый паренек. Родился он в Гомеле, в Белоруссии.

– Я сбежал из Совка в семнадцать лет, – рассказывал он. – Меня не устраивало там все! – Белорусы страшные антисемиты, а я еврей! В армию советскую ехать не хотел. Все там гнилое, бля! Там может жить только сумасшедший!

– Ну что именно там плохо? Конкретно, что? – допытывала я.

– Все! Все, бля! Эти их вонючие красные галстуки, эти дефективные комсомольские значки... – кроме выражения своей яркой неприязни и отвращения к Союзу, Игорь ничего больше не мог объяснить.

Почему красные галстуки – вонючие? Почему комсомольские значки – дефективные? Это ведь не более чем его субъективное восприятие. Но на чем оно основано?

И хоть ничем не обоснованная яркая неприязнь была для меня мало убедительна, я все-таки отметила для себя, что столь лютая ненависть не может происходить просто так, без причины. Должно быть, была какая-то причина. Только Игорь ее объяснить не мог.

– Кохгда раз в хгод мы ходили в Синагохгу на еврейские праздники, милиция гхоняла нас! Нормально это?

– Чем они это объясняли? Просто гоняли – и все?!

– А у них нет объяснений! Гхоняли и все! Якобы мы там пробку на улице создаем или якобы за хулигханство в отделение забирали... О чем ты хговори-и-шь! Ну их к чертям! Ненавижу их!

– А здесь ты ходишь в синагогу? – с сомнением глядя на Игоря, спросила я.

– Не в этом дело! Я хочу чувствовать свободу! Если бы это не было там запрещено, может быть, я и там не ходил бы. Но зачем запрещают? Почему человек не может делать, что хочет?!

Игорь рос в семье без отца: были только он и мать. По дороге в Израиль мать получила разрыв сердца и умерла, и Игорь остался один. В Израиле он служил в армии, видел, как умирали молодые ребята каждый день, и в один прекрасный день сказал себе: «Еврей-то я еврей, а умереть в армии ни за грош не хочу!» И сбежал в Америку. Здесь, в Америке, чтобы выжить, он стал водителем такси.

– Пыхнешь – и все тебе трын-трава: можешь водить себе, сколько ухгодно! – рассказывал он. – А без травы, кто ж выдержит по восемнадцать часов подряд? Эти нью-йоркские дорохги! Все водители такси сидят на подкурке! Я тебе хговорю! И еще они все импотенты.

– Как? За рулем и на подкурке?!

– Мы знаем, как сдавать мочу, чтобы она показала, что ты чист. Тест проходишь: ты принят. А дальше никого не волнует, что ты там каждый день делаешь!

– Кстати! А почему водители такси по восемнадцать часов работают? Все жалуются, а сами работают! Можно же поработать, ну, скажем, девять, ну десять часов – и хватит. Всех денег не заработаешь! Бери, что заработал, и езжай домой отдыхать. Завтра будет новый день.

Игорь презрительно ухмыляется.

– Много ты понима-а-ешь! – говорит он. – А рент за меня ты уплатишь?

– Какой рент? – не поняла я.

– Такси, это же не просто машина, за право работать на такси нужно рент платить. Я пока на свои расходы работаю: рент, бензин, ланч, так вот твои девять-десять часов и есть. А чтоб мне что-то осталось, я должен работать дальше, еще около восьми часов.

– Ну хорошо, а за пару часов не заработать?

– За пару часов можно только на вши заработать. Мне еще квартирный рент оплачивать нужно, на одежду, на пропитание. Я как заводной. Иначе мне не выжить.

Игорь привез меня в клуб гомосексуалистов. Невиданное зрелище: одни мужчины в баре. Почти ни одной женщины. Поехала. А что делать? Можно сдохнуть – все время дома одной сидеть. Если кто-то считает, что я слабая, предлагаю провести эксперимент: посидите месяц дома, никуда не вы-

ходя, кроме как в магазин или пройтись по улицам, потом посмотрите: вы еще не туда поехать согласитесь! Игорь хорош тем, что он не пристает ко мне, совсем на меня не смотрит как на женщину, я могу с ним куда-то поехать и не чувствовать при этом, что я ему что-то задолжала.

В баре все коты моего сердца встали на дыбы. Мужик с мужиком танцуют, будто они мужчина и женщина по уши влюбленные друг в друга! Что это? Мужчина с накрашенными губами??? Боже мой, а у этого – как у женщины, сережки в ушах! Даже не в ушах – а в одном ухе! Настолько здесь им нужно шокировать кого-то, что им мало того, что мужчина сережки надевает! Он надевает одну серьгу, в одно ухо! Прижимаются друг к другу, ласкают друг друга... Ма-а-а-ма-мия!

Вот парочка танцует: один совсем молоденький, другой гораздо старше. Тот, что постарше, обхватывает голову второго и, приблизившись вплотную к нему лицом, нежно губами касается его губ. Тот отвечает. Они целуются, вращая друг в друга неистовыми ртами. Не дыша, не шевелясь, не мигая, я смотрю во все глаза. Не могу глаз оторвать. Невообразимое зрелище – не во сне, не в фантастическом фильме, не в сплетнях, а в жизни (!), наяву, в столь неоспоримо достигаемой реальности, что можно протянуть руку и потрогать – мужчина целуется с женщиной глубоким, полным, настоящим поцелуем!

Земля выворачивается наизнанку! Небо опускается под

ноги, и города, дома, деревья проваливаются в его бездонное пространство. А над головой, загораживая солнце своим черноземом, нависает тяжелая, черная твердая земля!

– Здесь, в Америке, это нормальное явление! – говорит мне Игорь. – Это в Совке все были, как дикари.

* * *

А здесь, в Америке, так! Ты что, не знала?!

Знала! Здесь, в Америке, ходят на голове, а не ногами! Здесь, в Америке, небо под ногами, а земля над головой. Здесь, в Америке, смерть – счастье, а рождение – горе. Здесь, в Америке, все, все по-другому: и не то что бы у них что-то плохо, просто у них культура другая.

* * *

– А почему эти люди не могут жить так, как они хотят? – говорит Игорь по пути обратно в Бруклин. – В Союзе твоём любимом хгомиков сажали. Ты считаешь, это правильно: сажать человека в тюрьму за то, что он хочет любить мужчину, а не женщину? В чем их вина? Ты же видела, какие они интеллигентные, умные. Видела?

Настраивало меня в пользу гомиков то, что среди них за один вечер я встретила больше творческих и интеллигент-

ных людей, чем за всю свою жизнь в Америке. Музыканты, писатели, дизайнеры. Где такое еще встретишь в стране программистов? В клубе у гомиков. Один – переводчик, чисто, чище, чем Игорь, говорил на русском языке. Начитан, черт побери! Вот уж, где я пожалела, что человек гомик: не доходило до меня никак, что нельзя мне в него влюбляться, хоть и выглядел он как очень приятный мужчина! Почему таких не встретить среди людей с традиционной сексуальной ориентацией?

– Да, действительно, очень интеллигентные... просто даже жаль, что они гомики. В таких бы я сама влюбилась, – соглашаюсь я.

– Не забывай, что половина из них – женщины! – со смехом говорит мне Игорь.

– Да-а... жаль...

После клуба гомосексуалистов Игорь привез меня к своему другу.

– Это великий писатель нашего времени! – сказал мне Игорь. – Ты не смотри на него, он с виду, может, тебя шокирует. А ты не слышала этого имени?

Я из вежливости не стану называть имени писателя. Его знают и в Союзе, и здесь, в Америке.

Великий писатель жил в подвале, где пахло мышами и сыростью. Вся мебель состояла из одного большого матраса, брошенного прямо на пол, без простыней, пододеяльников, без наволочек, который почти не оставлял места, чтоб ходить

по комнате. Ходили прямо по матрацу.

– Здесь все так ходят. Не надо снимать обувь, – сказал мне Игорь. – Здесь в это не верят.

Испытывая огромное чувство неловкости, я прошла, вонзая при каждом шаге каблуки своих туфель в мягкую глубь матраца. В одном углу стоял портативный холодильничек, и на нем – нож, две чашки, хлеб, обертки от какой-то еды. В другом углу, прямо на цементном полу лежало несколько стопок книг, покрытых таким густым слоем пыли, что книги казались замшевыми. С трудом удерживалась, чтобы не взять салфетку и не вытереть слой пыли. Бутылка водки, несколько смятых бумажных стаканчиков, несколько пустых бутылок из-под водки. Над матрацем висит плакат на всю стену, на котором крупными буквами написано:

«АНАРХИЯ – МАТЬ ПОРЯДКА!»

Под этими словами красуется на плакате череп с двумя перекрещенными косточками. Слой паутины, спускающийся со стены, дополняет картину.

Спрашивать писателя, почему он уехал из Союза, было излишне. Понятно и так, почему такие люди хотели уехать. В Союзе, помню, с того самого дня, как я пришла в первый класс, нас учили, чтобы был порядок, чтобы была организованность во всем. А анархия – это для Америки. Ведь здесь каждый делает, что хочет!

Писатель лежал пузом кверху на своем матраце, в халате на голое тело и постоянно сверкал своими прелестями, от-

чего меня просто тошнило, а изо всех углов выглядывали то мыши, то крысы, то тараканы мельтешили вокруг. Великий писатель еще к тому же был и поэт, читал нам свои стихи.

Варится варево, кровью нечистой окрашенное
валят в него черных могильных жуков и пожухлую
плоть....

В то время как он читал свои стихи, паук спрыгнул со стены и побежал по матрасу.

Авангард, бля! Дальше я не запомнила.

* * *

Всю ночь провела с Игорем, разъезжая то туда, то сюда. Он «пыхал» каждые час-полтора. Удивляюсь, как он еще жив. Мы с ним, как брат и сестра. Он меня не трогает, и я его не боюсь. Даже поспала у него несколько часов под утро. Слишком невыносимо было ехать домой одной. Утром он напоил меня кофе и, прежде чем уехал пахать на своем такси, привез домой. Делать нечего: придется снова вспомнить о реальности.

* * *

Заскрипела дверь моего подъезда. В подвально-гулком

коридоре отозвались мои шаги – ох, ох, ох... Повернулся тяжелый замок, и полумрак знакомой неубранной квартиры поглотил мироощущение. Платья, кофточки, джинсы, разбросанные повсюду, все так же лежали на своих местах, как я их оставила. Пластинки, изъятые из чехлов, валялись вокруг приемника, как я их, послушав, бросила, и, застыв, ожидали моего возвращения, пока я расколдую их.

Взгляд мой упал на зарытый в тряпье, молчащий среди мертвой тишины телефон. На минуту меня переполнило возмущенье: неужели ты еще способна уехать куда-нибудь или повиснуть с кем-нибудь на телефоне часов эдак на???

Я не просто ждала чьего бы то ни было звонка (этого надо было еще дожждаться), я с трудом удерживала себя, чтобы сейчас же, немедленно не позвонить кому-нибудь и не уехать, неважно куда, главное, уехать *отсюда*.

Постояв некоторое время в нерешительности, с трудом переборов желание снять трубку, я повернулась и пошла в спальню. Какого усилия воли стоил этот поворот – прочь от телефона, лицом – к тупику.

Все так же, покорно ожидая, стоял стол, на нем мои рукописи, молчаливые книги, стопки тетрадей, словари – все это стояло на своих местах, непреклонно, терпеливо ожидая меня. Я опустила на стул и тупо уставилась прямо перед собой.

Проколов круглый шар вакуума, зазвонил телефон. Я склонилась над ним, как умиравший, завидевший спасение.

– Алло! Привет. Женя? Как дела? Как же, я помню вас. Вы же обещали, что не позвоните мне больше. Все по-старому. Собраться?.. Сегодня?.. – медлила я с ответом, глядя на переверот кругом меня, на ждущие меня рукописи, учебники и словари, вздрогнувшие от возмущения и ненависти ко мне, которая сейчас снова бросит их и уйдет.

– Мы уже зарезервировали места в ресторане, будет еще мой друг со своей девушкой... – говорил в трубке голос.

– А потом вы будете упрекать меня, что потратили на меня пять часов! Да?

– Этого не повторится. Я обещаю. Ты запала мне в душу, я старался, но не смог забыть тебя.

Фу, какие примитивности-банальности. Уж не оттого ли я «запала ему в душу», что, единственная, отказала ему, ведь по его словам, ему никто не отказывает. Он этого просто переварить не может. О, глупое самолюбие мужчины!

– Женя, вы зря теряете время, – говорю я ему.

– Я готов. Я готов встречаться с тобой просто на дружеских основаниях, если ты не хочешь ничего большего.

– Точно?

– Я обещаю. Я же мужчина, в конце концов. То, что было,

не повторится. Ну можно я заеду за тобой? И потом, хватит мне «выкаты»!

Я старалась представить, как много я могла бы сделать за целый день и вечер, если бы я осталась дома, но вместо этого представляла тяжесть наступающих сумерек, себя, лежащую головой на столе, ничего не делающую, убеждающую себя встать, что-то сделать, в отчаянье спрашивающую: ну что же, что делать?!..

– Ну, хорошо, – сказалось как-то само по себе. – Если точно на дружеских основаниях... тогда приезжай.

* * *

Вот опять белая машина с роскошными сиденьями у моего подъезда: вот уж не думала, что когда-то опять в нее сяду, что опять увижу когда-либо Женю. Чувствую, что рада его видеть: благодарна ему за то, что вытаскил меня сегодня. А чем черт не шутит? Надо дать себе шанс, а может, я и смогу полюбить его!

– Мы заедем сейчас поднять¹² ребят, а потом поедем в «Националь», – сказал Женя и воровски стрельнул глазами вокруг.

Я не возражала. Все что угодно и куда угодно, только бы прочь от себя и подальше от дома.

¹² Калька с англ. – to pick up – поднять, забрать, заехать за кем-то.

Дверь нам открыла девушка лет двадцати пяти, невысокого роста, в длинном махровом халате и с полотенцем, завернутым вокруг головы в высокую чалму. Похоже, она только вышла из душа, однако, несмотря на еще мокрые волосы, глаза ее уже были густо накрашены, и вокруг век уже лежал толстый слой перламутрово-голубых теней. Еще более кукольно и жирно были накрашены ее маленькие губки. Цвет помады – темно-вишневый. Они здесь в Америке, по-идиотски красят губы: сначала жирно обводят контур губ карандашом, а потом, вдобавок еще жирно наносят помаду. Губы получаются карикатурные. Наверно, у них здесь считается, что это красиво, когда столько краски на лице.

– Привет!

– Привет, это Фаина, познакомьтесь.

Фаина провела нас в аккуратно убранную уютную гостиную, где между тремя мягкими диванами лежал мягкий большой ковер и горевший телевизор наполнял комнату своими яркими веселыми красками. Глаза мои отдыхали в этой новой (отличающейся от моей квартиры) обстановке, однако тяжесть моей неразрешенной проблемы жизни сидела внутри меня.

– Садитесь, – сказала Фаина приветливо, – я буду готова через минуту.

– Садись, – сказал мне Женя и, повернувшись к Фаине, спросил: – А где Майкл?

– Он пошел к Бордам на минуту, сейчас придет – отвечала

она уже из соседней комнаты, в которой, я видела в боковую дверь, вспыхнул свет.

– А-а-аа... – довольно улыбаясь, сказал Женя, – пошел за капиталом?

Потерев руки, он опустился на соседний диван. Мы уставились в экран телевизора. Девушка в переливающимся платье, обтягивающем ее худое стройное тело, выходила на сцену под звуки аплодисментов публики в зале. Каждый ее шаг то обнажал до самого высокого, почти неприличного места ее ногу, то тут же прятал ее в неуловимом движении. На руках и в ушах ее блестели огромные драгоценные ожерелья. Девушка, улыбаясь, начала говорить что-то, но в это время щелкнул замок во входной двери и, бесшумно ступая по ковру, вошел молодой мужчина небольшого роста.

– О, привет! – он подошел к Жене, пожал ему руку.

– Здравствуй, старик, – сказал Женя и лениво, не вставая со своего места, подал руку своему приятелю.

Наверно, у них свойские отношения, подумала я, заметив, что Майкл вовсе не обиделся из-за того, что Женя продолжал оставаться в своем положении, – развалившись на диване.

Мы познакомились. Улыбаясь, Майкл раскрыл небольшой сверток, который держал в руках и показал Жене.

Лицо и фигура Жени выразили одобрение: «Дава-ай!!» – Я закручу сейчас.

Майкл сел у столика и принялся аккуратненько выби-

вать табак из сигарет, а затем закручивал в папиросную бумагу что-то из маленького мешочка. Получались малюсенькие огрызки, напоминающие детские папироски. Не новинка, знаем, и эти курят.

Женя тем временем достал какой-то журнал.

– Вот, – обратился он ко мне – посмотри, нравится тебе домик?

– Что это? Каталог домов? Этот? Ничего.

– Ничего! – иронически передразнил он.

– Домик – фантазия! Надо будет прицениться, завтра позвоню им из офиса.

Майкл: со своего угла, не подымая головы и продолжая свое занятие:

– Опять дом? Ты бы уже что-нибудь другое купил. У человека два роскошных дома – один в Поконо, другой в Апстейте, он третий покупает!

Женя (самодовольно):

– Да. Я люблю. А что? Первый продам.

– Как продам? Ты в него столько труда, денег, времени вложил!

– Все окупится! Я его сейчас толкну раза в четыре дороже того, во что он мне обошелся.

– Я тебя не понимаю. Ты же строил его для себя! Ты себе не представляешь, – Майкл обратился ко мне, – он выписывал каких-то дизайнеров из Турции, чтоб они ему какой-то невероятный бассейн выстроили, именно, как он задумал, и

чтоб ни у кого такого не было. Стены ему какой-то польский художник расписывал. А дерево? Полы?! Да что там говорить! И вдруг, продам!

– А надоел он мне уже!

– Ты же еще года в нем не живешь.

– Ну и что? Я этот еще лучше сделаю. Я построю фонтан в бассейне! Подсветки, иллюминации, все такое...

– А потом и этот продашь?

– И этот продам. И новый построю. Это же моя работа. Я все это с лихвой выручаю. Это своего рода творчество. – Женя снова уставился на фотографию дома, любуясь. – Прелесть домик! Куколка! Вот по этому образцу и построю!

– Постой, – перебила я, – разве ты занимаешься домами? Ты же занимаешься сосками!

– И сосками занимаюсь! И домами занимаюсь! Я много еще чем занимаюсь. – Женя стрельнул глазами по сторонам.

– Он у нас многопрофильный! – добавил Майкл, улыбаясь и вставая с двумя готовыми самодельными папиросками.

Я не высказываю своих мыслей вслух: зачем? Такими богатыми самодурами, которые от жиру бесятся и уж не знают, чем себя потешить, не умея убежать от самих себя, от собственной пустоты и праздности, наша литература русская так и кишит. Нашелся тут, Кирила Петрович Троекуров в Америке! Еще один персонаж для моего романа. Но что мне его критиковать? Я пришла к ним на один вечер, я пришла, чтобы убежать от тоски, я должна принимать их такими, ка-

кие они есть, потому что никого лучшего пока у меня нет.

Вышла Фаина из соседней комнаты: нарядная и эффектная. Ее курчавые волосы были пышно начесаны, на ушах сверкали огромные бриллиантовые серьги (или под бриллиант), блески на ангоровой кофточке переливались так, что пускали зайчиков по комнате.

– Я готова! – сказала она и, хлопнув ресницами, которые стали еще тяжелее и огромнее, она прошла к дивану и села. Когда она шла, материя ее длинной черной юбки рассыпалась на множество мелких клиньев, обнажая ее ноги со всех сторон до самого того места, откуда они росли. В движении, все это было довольно неуловимо и, пожалуй, соблазнительно. Остаток юбки плотно облегал ее стройную талию и бедра, и все это смотрелось, несмотря на дерзость и излишнюю откровенность, все-таки очень женственно и невольно притягивало взгляд. Когда Фаина села, распавшиеся клинья уже вполне уловимо обнажали ее стройные ноги.

Я смотрела и не могла оторвать глаз от этих колен, в то время как она что-то говорила и мне бы следовало смотреть ей в лицо.

– Ну что, готово? Спросил Женя, когда Майкл подал ему скрученную трубочку. – Девочки, вы хотите? – Женя повернулся ко мне, указывая мне на угощение.

Я отрицательно покачала головой. Thanks.

Женя повернулся к Фаине, предлагая.

Фаина наморщила нос, и лицо ее приняло кислое, брезг-

ливое выражение.

– Я? Не-е-ет, – сказала она и сделала рукой такой жест, который как бы говорил: «Мне сейчас и без этого дурно».

Майкл щелкнул зажигалкой, поднес Жене, потом себе, и они закурили. Два человека, трясаясь над своими крошечными окурками, как над чем-то особенным, с глубоким наслаждением затягиваются, раскуривают каждый свой малюсенький окурочек, как будто это нечто очень редкостное и деликатесное.

По телеку шла передача, которая всегда идет по воскресеньям в это время: «Жизнь богатых и знаменитых». Показывали жизнь какого-то Новоорлеанского миллионера, в доме которого все стены были сделаны из настоящего изумруда.

– Ох, ничего себе! Вот где живут люди! А? – воскликнул Майкл, с восторгом глядя на Женю.

Женя, запрокинув голову, важно выпускал дым изо рта и ничего не отвечал.

– Стены из изумруда! Представляешь себе, да? Сколько это стоит?!

Дальше показывали жизнь другого богатого человека, у которого все горничные и официантки в доме были балерины. Балерины в пуантах, на носочках перебирая ножками, выкатывали колясочки, подбрасывали ноги высоко в воздух, поднимали с колясочек свои подносы, кружились, с подносами в руках, развевая свои газовые юбочки.

Шесть девушек – юных, тоненьких, довольно талантлив-

вых – подавали сидящему лоснящемуся счастливцу брек-
фаст – и не просто так, а через балет, жонглируя яйцами в
воздухе, очищая скорлупки во время прыжков, сочетая два
занятия – танец и подачу еды в удивительную гармонию.
Научились же! И надо еще так сообразить придумать! Пря-
мо-таки новая форма искусства. И все это не фантазия, не
кино, а реальная жизнь каких-то людей. Ох, Америка! Как
ты изощряешься, чтобы убежать от своей внутренней пусто-
ты!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.